

рассматривались суждения Набокова о Тургеневе и тургеневские аллюзии в набоковском творчестве. Ироничное отношение к Тургеневу оформилось у Набокова в период «Дара» и закрепилось в конце 1940-х годов, когда он стал преподавателем русской литературы. В лекциях он выдвинул целый ряд экстравагантных и не очень обоснованных суждений, опираясь порой не на цитаты, а на память. В итоге вместо Тургенева — первопроходца и основоположника русской европейской прозы, совершившего в ней революцию, которую Л. В. Пумпянский сравнивал с революцией Пушкина в поэзии, у Набокова получился потешный муляж.

В сообщении М. Вайскопфа (Израиль) «Набоков в борьбе с черносотенством и тиранией» особое внимание было уделено тому, что в годы Второй мировой войны и затем, после победы над Германией, Набоков, в отличие от множества эмигрантов, впавших в патриотизм советско-черносотенного типа, сохранил ненависть к Сталину и его свирепому государству. В докладе прослеживались не отмеченные ранее источники соответствующих установок (в частности, наследие Г. Гейне), отразившихся в рассказе «Истребление тиранов» и романе «Bend Sinister».

Ж. Хетени (Венгрия) в докладе «Заметки к зеркальности: В. Набоков и Б. Пастернак» остановилась на трех аспектах сопоставления творчества писателей: на общем обзоре возможных направлений компаративных исследований; на выявлении параллелей в двух ранних программных текстах Набокова и Пастернака («Путеводитель по Берлину» и «Черный бокал»); а также на анализе заглавного образа стихотворения Пастернака «Зеркало» и того же образа во всем творчестве Набокова.

М. Минская (США) сделала сообщение на тему «„Хочу воспеть Свободу миру!“: стихи из альбома».

Доклад Р. Волковой (США) «„И пробуждается поэзия во мне“: возвращаясь к „первому стихотворению“» был посвящен непереуловленной Набоковым на русский язык «Главе 11» из автобиографической книги «Память, говори!». Одним из центральных сюжетов этой главы является рождение поэта в условиях разрушения культуры и цивилизационных норм, связанного с началом Первой мировой войны. Поиск новой поэтической идеи приводит к прощению с грезами XIX века, с рифмами типа «розы-березы». Основным концептом жестокого XX века становится пролитая кровь. Первый импульс начинающему поэту дает его рефлексия по поводу детской книги «Путешествие капли крови» (1911) (узнаваемой, но не указанной автором). Следы крови отпечатываются во всех частях «Главы 11», которая заканчивается отражением юного поэта в зеркале со следами размазанной по щеке крови.

Завершились Набоковские чтения 2022 года ставшей уже традиционной «Набоковианой» — представлением новых изданий, посвященных биографии и творчеству В. В. Набокова. Ж. Хетени рассказала о тематическом сборнике русскоязычных статей «Сдвиги. Узоры прозы Набокова», М. Вайскопф ознакомил слушателей со своим новым исследованием «Агония и возрождение романтизма», а С. Блэкуэлл (США) — со своей книгой «Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-283-286

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «В. Т. ШАЛАМОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

22–24 сентября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература», в организации которой, помимо ИРЛИ, приняли участие В. В. Есипов (научный руководитель сайта shalakov.ru) и заведующая мемориальным музеем Л. Н. Гумилева — Л. А. Артамошкина. В конференции приняли участие более тридцати исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также из-за рубежа.

Конференцию открыл пленарный доклад В. В. Есипова (Вологда) «Пушкин в художественно-философском сознании Шаламова». По мнению выступающего, в условиях госу-

дарственной несвободы художника Шаламов видел определенное родство своей судьбы с судьбой Пушкина. Особое внимание было уделено обстоятельствам, окружавшим письмо Шаламова в «Литературную газету» (1972) с протестом против политических спекуляций на «Колымских рассказах» на Западе. Докладчик выразил уверенность, что стихотворение «Славянская клятва» (1973), написанное в продолжение этого письма, может быть отнесено к тому же роду и ряду гневных гражданских произведений отечественной поэзии, что и пушкинское «Клеветникам России». Важный «пушкинский след», связанный с письмом в «Литературную газету», обнаружен в архиве Шаламова: в набросках того периода имеются

строки: «Пушкин — выстрел — честь» и двуступи: «Это Пушкина поступок / По движению души». Таким образом, с точки зрения Есипова, Шаламов считал свое письмо в «Литературную газету» равным дуэли Пушкина с Дантесом, и главным мотивом этого поступка для него, как и для великого поэта, была защита чести.

В сообщении К. Н. Тимашова (Санкт-Петербург) «„Я имел право написать об Аввакуме...“ (переписка В. Т. Шаламова с В. И. Малышевым о стихотворении «Аввакум в Пустозерске»)» впервые был представлен текст письма Шаламова от 2 августа 1967 года, адресованного известному исследователю Жития протопопа Аввакума, основателю Древлехрамения Пушкинского Дома В. И. Малышеву. Письмо проливает свет на творческую историю стихотворения «Аввакум в Пустозерске» (1954).

Доклад О. Р. Миннуллина (Ростов-на-Дону) «Религиозно-философская полемика с Ф. М. Достоевским в рассказе В. Т. Шаламова „Необращенный“» был направлен на выявление некоторых аспектов внутреннего спора автора «Колымских рассказов» с автором «Записок из Мертвого дома». По мнению выступающего, в «безрелигиозном христианстве» Шаламова содержится личная попытка приближения к идеалам Христа — попытка стоическая, мученическая, колоссальная по выявлению духовной силы и, что важно, реализованная как художественный акт.

Далее прозвучало сообщение В. Н. Поруса (Москва) «Философия человека в творчестве Шаламова». Опираясь на положения философской антропологии, докладчик размышлял о проблеме сохранения человеком своей «подлинности» («духовной самости») в условиях экстремальности и реального ада, который представляли колымские лагеря. Художественная проза Шаламова позволяет философской антропологии говорить на новом для нее языке, перешагивать через завалы понятийных конструкций, чтобы идти к пониманию человека, не опасаясь противоречий — ведь это противоречия жизни, а не логические дефекты рассуждений.

В выступлении И. В. Мотеюнайте (Псков) под названием «Лиственница Варлама Шаламова и другие деревья русской литературы» развивалась тема «дендрологического ландшафта», в которой акцентировалась многозначность образа дерева в стихах и прозе автора. По наблюдениям докладчицы, упавшее, сломанное или искореженное дерево чаще всего служит для Шаламова символом судьбы заключенного и символом трагизма человеческой судьбы в целом (рассказ «Сухим пайком», стихотворение «Сосны срубленные»). В рассказе «Воскрешение лиственницы» (справедливо называемом стихотворением в прозе) Шаламов поднимает философский вопрос об ограниченности знания и бессилии человека перед временем, т. е. имплицитно включает темы смерти и памяти, ключевые для своего творческого мировоззрения.

В сообщении С. М. Соловьева (Москва) «„Реформатор русской прозы“: Шаламов о Чехове»

анализировались недавно найденные в архиве писателя наброски эссе об А. П. Чехове (начало 1970-х годов), в которых Шаламов отмечал, что в области литературной формы Чехов был «и реформатором, и гением». В иллюзиях русской интеллигенции Шаламов видел урок непреходящего исторического значения, касающийся роли литературы: «...говоря о современном русском рассказе, надо учитывать этот великий опыт, страшный опыт, который длится по сей день...».

Доклад С. А. Фомичева (Санкт-Петербург) «Экспериментальный рассказ В. Шаламова («Галстук»)» был посвящен особенностям небольшого произведения, написанного в 1960 году и вошедшего в первый сборник «Колымских рассказов». Автор выступления обратил внимание прежде всего на зачин, в котором писатель представил декларацию «прозы будущего», требующей от писателя исключительной достоверности. Как полагает Фомичев, этот зачин вполне органичен общему контексту первого сборника, с которым Шаламов собирался выйти к широкому читателю.

В центре внимания Л. С. Стариковой (Кемерово), раскрывающей тему «Принципы новой прозы в цикле „Воскрешение лиственницы“», также оказалась проблема теоретических «манифестов» Шаламова и их воплощения. Прежде всего исследовательница остановилась на эссе Шаламова «О прозе» (1965), где писатель продекларировал суть своей прозы — «пережитой как документ».

Заседание было продолжено докладом «Образы и мотивы прозы В. Шаламова и А. Платонова» Н. М. Малыгиной (Москва), которая выявила и подчеркнула ряд наиболее существенных черт, сближающих двух писателей XX века. И в этом контексте она проанализировала тексты сборника рассказов Шаламова «Артист лопаты» и повести Платонова «Котлован».

Целый ряд малоизвестных фактов и тонких наблюдений был приведен в сообщении Е. Л. Гофмана «Шаламов и Виктор Некрасов (1950–1980-е гг.)». Как считает докладчик, для раскрытия заявленной темы исключительную ценность имеет статья В. Некрасова «Сталинград и Колыма» (1986), в которой, сравнивая опыт войны и лагеря, писатель подчеркивал главную особенность метода Шаламова: «Рассказывая о жизни, которая не познавшему ее даже в страшном сне не приснится, он нигде не педалирует, не сгущает краски (впрочем, куда уже сгущать!), не морализирует, не подводит своего авторского итога». Важнейшая заслуга В. Некрасова сказалась и в том, что он стал первым, кто публично дал предельно высокую оценку творчеству автора «Колымских рассказов»: «Шаламов, конечно же, писатель великий. Даже на фоне всех великанов не только русской, но и мировой литературы».

В докладе А. П. Гавриловой (Москва) «Роман Б. Пастернака „Доктор Живаго“ и его судьба в оценке В. Шаламова: новые материалы» были рассмотрены поздние (конец 1960-х — начало 1970-х годов) записи Шаламова из его архива,

касающиеся романа Пастернака и опубликованные лишь частично. Если в известных двух письмах Пастернаку (20 декабря 1953 года и 8 января 1956 года) Шаламов и выражает свое восхищение пастернаковским романом, и отмечает ряд его слабостей («лагерь описан неверно» и др.), то в поздних записях речь идет о публикации романа на Западе. Не будучи свидетелем событий «Нобелианы» Пастернака, Шаламов все же стремится дать им оценку, имея в виду собственный горький опыт «пиратских» публикаций «Колымских рассказов» за рубежом.

Сообщение М. В. Яковлева (Москва) «Мифология „зоны“ в художественном мире Д. Андреева и В. Шаламова» было направлено на выявление точек соприкосновения двух писателей. По мнению докладчика, они обнаруживаются прежде всего в их поэтических произведениях: эсхатологические предчувствия, столь характерные для Д. Андреева, имеют аналогию и в «Атомной поэме» Шаламова (1954), и в стихотворении «Аввакум в Пустозерске», а также в его поздних письмах.

Секционное заседание, посвященное поэтическому творчеству Шаламова, было открыто докладом Л. Е. Артамошкиной (Санкт-Петербург) «Онтология Слова в поэзии В. Шаламова». Бытийное, сущностное значение Слова было отчасти усвоено Шаламовым под влиянием теоретических трудов А. Белого в 1930-е годы, между тем настоящее понимание поэтического искусства как «бессмертия жизни» пришло к нему уже на Колыме. То, что Шаламов до конца дней называл поэзию своей «религией», определило и его веру в способность Слова воскрешать чувства и память, а значит, воскрешать жизнь.

Сообщение Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Особенности традиционалистского стиха В. Шаламова» представляло собой анализ метра в лирике Шаламова-поэта. По мнению выступающего, в 1960–1970-е годы и метрика, и строфика у него делаются строже, однако их нельзя назвать сугубо традиционными и тем более — простыми. Глубокий знаток тайн поэзии, в стихотворении 1973 года «Кто я» Шаламов справедливо заявлял: «Я — новая форма рассказа, / Я — новая форма стиха, / Еще не дошедшая сразу, / Еще неизбежно тиха...». Таким образом, предстоит еще немало работы по изучению особенностей новаторского стихосложения Шаламова.

В своем выступлении на тему «Музыка поэзии В. Шаламова» И. В. Некрасова (Самара) развивала тезис: поэт Шаламов, подчеркивавший, что «стихи без звукового прищелкивания не бывают настоящими», придавал особое значение звуковой стороне стиха. В докладе были прослежены проявления принципа музыкальности в ряде поэтических произведений Шаламова. Исследовательница особо остановилась на кантате вологодского композитора М. Гоголина «Silentium» (2015), наиболее ярко выжившей, по ее мнению, триединство звука, слова и смысла в поэзии Шаламова.

В сообщении Д. В. Гридаенко (Москва) «Шаламов и Ахматова: биографический контекст»

на основе архивных документов были уточнены сведения о личных встречах поэтов. Стихи Шаламова, посвященные Ахматовой, были проанализированы Д. В. Кротовой (Москва) в докладе «Шаламов и Ахматова: грани поэтического диалога». На анализе стихотворений Шаламова, посвященных М. Цветаевой, сосредоточила внимание Е. В. Титова (Вологда) в своем выступлении «М. Цветаева в творческой судьбе В. Шаламова». И. В. Кондаков (Москва) рассмотрел тему «„Дерева доверие“: скорбная поэтика В. Шаламова», в процессе раскрытия которой он подчеркивал трагические мотивы стихов «Колымских тетрадей». Неизвестному варианту статьи Шаламова «Таблица умножения для молодых поэтов», сохранившемуся в личном архиве докладчика, было посвящено сообщение Д. Д. Николаева (Москва) «В. Шаламов и „Мастерство писателя“: об одной несостоявшейся публикации в журнале „Вопросы литературы“». Выявлению ряда аспектов, связанных с ситуацией «человека в исключительных обстоятельствах», был посвящен доклад А. О. Большева (Санкт-Петербург) «Ситуация воскрешения из мертвых в прозе Шаламова».

В докладе Л. В. Егоровой (Вологда) «Рассказы Шаламова в редакциях Р. Гуля («Новый журнал», Нью-Йорк) и в переводах» был представлен анализ характера правки, которой подверглись «Колымские рассказы» при выходе в русскоязычном эмигрантском «Новом журнале». Публикация (с 1966 по 1976 год) произвольно выбранных рассказов, игнорирование авторской композиции циклов свидетельствуют о предвзятости редактора журнала, а также концептуальной редукции авторского замысла. Таким образом, писателю, преодолевшему колымский ад, пришлось пройти еще два круга мытарств: непечатания рассказов на родине и произвольного, искаженного печатания за рубежом. Публикации в «Новом журнале» привлекли внимание к Шаламову американского переводчика Джона Глэда. В собственном переводе он опирался на Гуля и на более качественное лондонское издание «Колымских рассказов» 1978 года под редакцией М. Геллера. Сопоставление редакций Гуля, Геллера, Собрания сочинений и рукописей Шаламова заставляет задуматься о проблемах текстологии «Колымских рассказов».

На значении переводческой и культуртрегерской деятельности Дж. Глэда более подробно остановилась его вдова Лариса Глэд (США). Из ее сообщения «Как Америка открывала Шаламова (первые переводы «Колымских рассказов» Джоном Глэдом в 1980–1981 гг.)» стала понятна главная причина большого успеха первых изданий Шаламова на английском языке — она заключалась в том, что переводчик был восхищен Шаламовым как писателем, в результате чего он делал свою работу с огромным воодушевлением. Прекрасно зная русскую литературу, в том числе эмигрантскую, Дж. Глэд поставил своей целью популяризацию Шаламова в англоязычном мире. Благодаря его переводам имя Шаламова в Америке

стало символом подлинной литературы, «отражающей сущность бытия» (С. Беллоу). Л. Глэд также сообщила, что по завещанию ее мужа, умершего в 2015 году, его прах был развеян в Москве на Воробьевых горах.

Целый ряд выступлений, прозвучавших на конференции, был посвящен героям произведений Шаламова и их прототипам. Ю. З. Кантор (Санкт-Петербург) в сообщении «Герой „Колымских рассказов“ доктор Пантюхов: реконструкция биографии (по неизвестным архивным документам)» представила факты жизни колымского врача-заключенного по 58-й статье А. М. Пантюхова, спасшего Шаламова (обстоятельства описаны в рассказе «Домино»). Е. М. Аксененко (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «В. Шаламов и „тюремный поэт“ Е. Владимиров», обращенным к реконструкции трагически сложившейся судьбы колымской поэтессы. Шаламов встречался с нею в лагерной больнице и посвятил ей стихотворение «Пророчица или кликуша...».

В сообщении А. С. Таюшева (Вологда) «Ленинградские адреса Шаламова» был приведен ряд малоизвестных документов, свидетельствующих о связях писателя с городом на Неве. Он бывал в нем дважды — в марте 1955 года проездом в командировку в Петрозаводск (Шаламов, еще не реабилитированный, работал тогда агентом по снабжению на Решетниковском предприятии Калининской области) и в середине июля 1961 года, когда провел несколько дней, встретившись со своими школьными товарищами Е. Н. Аловым и В. Н. Савашкевичем. В архиве Шаламова сохранились адреса его ленинград-

ских знакомых. В заключение докладчик обратил внимание исследователей, что за недостатком источников пока остается неисследованной судьба героя рассказа «Букинист» В. А. Кундуша, проживавшего на Литейном, 51.

24 сентября конференция продолжила свою работу в мемориальном музее-квартире Л. Н. Гумилева, где прошло заседание круглого стола, посвященное проблемам сохранения и трансляции культурной памяти в диалоге поколений. В этом направлении были представлены доклады Л. А. Брусиловской (Москва) «Мотивы творчества В. Т. Шаламова в произведениях В. Аксенова и В. Войновича» и В. В. Волковой (Санкт-Петербург) «Биография поколения: В. Шаламов и О. Берггольц». Вопрос формирования культурной памяти в ходе обсуждения рассматривался сквозь призму обращения к художественному образу (доклад В. А. Киришина (Санкт-Петербург) «Образ А. С. Пушкина в формировании „мест памяти“ русской культуры XIX–XX столетий»). Еще одним аспектом проблемы сохранения культурного кода в диалоге поколений стал музей (доклад А. С. Таюшева (Вологда) «Музей как медиатор культурной памяти»).

На протяжении всех заседаний конференции шло оживленное обсуждение докладов, корректировавшее, направлявшее, подталкивавшее исследовательскую мысль к дальнейшему изучению жизни и творчества В. Т. Шаламова.

© В. В. Есипов,

© Т. В. Игошева

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-286-289

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИТИКИ И ПИСАТЕЛИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.»

6–7 октября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX — начале XX вв.». Председатель оргкомитета А. С. Александров во вступительном слове отметил, что мероприятие стало для Пушкинского Дома традиционным — заседания продолжают научную дискуссию трех предыдущих конференций,¹

по их материалам подготовлен коллективный труд.²

ференция «„Проснуться знаменитым...“: Стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle» // Русская литература. 2021. № 4. С. 257–261; 3) Международная научная конференция «Писатель versus критик: социальные роли, жанровые предпочтения, язык» // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2022. № 2. С. 153–158.

² См.: Писатель — критик — читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв. Коллективная монография / Отв. ред. А. С. Александров. СПб., 2022.

¹ См.: Александрова Э. К. 1) Фельетонная критика конца XIX — начала XX века: Проблемы изучения (Обзор научной конференции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2020. № 3. С. 127–136 (совм. с А. С. Александровым); 2) Международная научная кон-